
Рыцарь картофельные уши
Ироническая сказка о драконе-эстете и Великой Банной Революции
ТАТЬЯНА МИНЧЕНКО

Татьяна Минченко

РЫЦАРЬ КАРТОФЕЛЬНЫЕ УШИ Ироничная сказка о драконе-эстете и Великой Банной Революции

https://litres.ru/74897984
SelfPub; 2026

Аннотация

В стародавние времена, когда короли мылись три раза в жизни, а благородные рыцари боялись воды пуще чумы, жил-был бедный, но ужасно романтичный дворянин по прозвищу Картофельные Уши. Ради улыбки прекрасной Магды — единственной красавицы в городе, от которой пахло заморскими духами, а не конюшней, — он целый год уговаривал на смертный бой самого Дракона.

Вот только дракон оказался интеллигентным эстетом на диете из печёных яблок, который терпеть не может немытых людей из-за изжоги. А первая в жизни горячая ванна с розовым мылом внезапно перевернула все планы рыцаря!

Остроумная, добрая ироническая сказка в духе «Шрека» и Терри Пратчетта — о верном оруженосце Фигеле, коварных

алмазных шпильках, великой мистификации и о том, как кусок хорошего мыла может устроить революцию в целом королевстве.

РЫЦАРЬ КАРТОФЕЛЬНЫЕ УШИ Ироничная сказка о драконе-эстете и Великой Банной Революции

РЫЦАРЬ КАРТОФЕЛЬНЫЕ УШИ

Ироничная сказка о драконе-эстете и Великой Банной Революции

ГЛАВА 1. О вреде водных процедур и пользе хороших духов

В стародавние времена, когда в небе ещё не гудели самолёты, а по рельсам не стучали колёсами поезда, бродили по земле храбрые рыцари. Храбрые уже потому, что таскать на себе с утра до ночи тяжёлые, неудобные латы — само по себе подвиг, особенно если под мышкой зачесалось, а снять панцирь без помощи кузнеца и такой-то матери решительно невозможно.

Рядовой рыцарь был непременно по уши влюблён в прекрасную даму с каким-нибудь звонким, очаровательным именем — к примеру, Дульсинея или Изольда, — ради которой он и ломал копья на турнирах. Под рыцарем бил копытом и заливисто ржал верный конь с зычной кличкой навроде

Росинанта, а за конём, отдуваясь и чертыхаясь, плёлся толстый оруженосец с неброским именем Педро или Санчо.

Иногда рыцари отправлялись в дальние походы, откуда далеко не всегда возвращались победителями. Впрочем, это ничуть не умаляло их достоинств, ибо подвиг — дело штучное, редкое, и не каждому дано его совершить.

Однако водились среди этой братии и такие отчаянные головы, что отваживались вызывать на бой самого дракона. Дракон, разумеется, был категорически против: он начинал сердито пыхтеть, изрыгать огонь и пламя, а заодно густые клубы едкого чёрного дыма, от которого слезились глаза даже сквозь опущенное забрало. Мало того, у дракона имелись превосходные кожистые крылья, отчего шансы пешего или конного рыцаря стремительно катились к нулю. Но… каждый год снова и снова какой-нибудь бравый смельчак трубил в рог у драконьей пещеры и, конечно же, погибал. Много храбрецов сгинуло в этих битвах, да чего не сделаешь ради прекрасной дамы!

Прекрасная дама, впрочем, убивалась недолго. Всегда находился другой страстно влюблённый рыцарь, и безумец, сложивший голову в пасти чудовища, бывал вскоре забыт. Лишь засохшая роза в хрустальной вазе напоминала о его недавней, пылкой преданности. Шли годы, копились в вазе сухие розы, а вместе с ними потихоньку увядала и красота самой дамы, становясь всё больше похожей на эти хрупкие, шуршащие лепестки.

Мы же поведём наш рассказ о рыцаре по прозвищу **Картофельные Уши**.

Столь странное имя он получил не зря: его уши и впрямь напоминали немытую картофельную кожуру, потому что он их отродясь не мыл. В Средние века в Европе люди вообще предпочитали не связываться с водой. Даже короли мылись всего три раза в жизни: когда рождались, когда женились и когда умирали. А раз уж коронованным особам не пристало мокнуть, то благородным рыцарям и подавно не годилось плескаться в речке навроде глупых утят. К слову сказать, рыцарь Картофельные Уши за всю свою жизнь ни разу не окунулся даже в ручей, не говоря уже о море, а дождь считал личным оскорблением и всякий раз грозил тучам ржавой шпагой.

Жил он в старом, покосившемся родовом замке на окраине королевства — таком скромном, что в иных курятниках сквозняков бывало поменьше. Из всех богатств у рыцаря имелись фамильный герб с изображением полуоблезлого льва, хромой мерин по кличке Буцефал, который больше любил дремать у коновязи, чем скакать в атаку, да верный оруженосец.

Оруженосца звали **Фигелем**. Имя, прямо скажем, так себе, но другого он не заслужил. Когда-то при крещении его нарекли благозвучным именем Мигель, но он так часто и к месту употреблял грубое слово «фиг» — «на фиг нам этот турнир», «да фиг его знает, где ваш шлем», «фиг вам, а не добавка к ужину», — что прозвище прилипло к нему прочнее репейника. Впрочем, Фигель не возражал: Фигель так Фигель, хозяину виднее, лишь бы жалованье платили вовремя (хотя с жалованьем в замке тоже случались перебои).

Как водится у порядочных дворян, Картофельные Уши был безнадёжно влюблён в одну даму из высшего общества. Звали её **Магдой**.

Началось всё в солнечный базарный день на городской площади. Картофельные Уши как раз торговался с мясником за баранью лопатку, когда мимо проплыла синьорина Магда. Она томно прикрыла длинные ресницы, словно стесняясь собственной неотразимости, взмахнула кружевным платочком — и обдала рыцаря облаком превосходных, головокружительных духов.

У рыцаря подкосились колени в скрипучих поножах, а баранья лопатка едва не выпала из рук. С той самой минуты сердце его было навеки покорено. И неудивительно: от прочих городских дам пахло куда менее поэтично — капустной похлёбкой, конюшней и дымом очага, ведь они тоже свято чтили королевский завет и воды боялись пуще чумы.

Шли дни, недели, месяцы. Каждую среду рыцарь выезжал на рыночную площадь, замирал у фонтана (в котором, к счастью, давно не было воды) и влюблённо таращился на балкон Магды. Дама его сердца всё так же томно опускала веки, а он всё так же провожал её взглядом, забывая закрыть рот.

Наконец рыцарь понял: одними вздохами крепость не возьмёшь. Пора совершить ради прекрасной Магды настоящий, громкий подвиг! Он три дня ходил по двору, скрипя несмазанными латами и ломая голову, кого бы такого победить. Соседский барон был слишком толст и дружил с королём, разбойники в лесу давно перевелись от скуки — и тут взгляд рыцаря упал на далёкую Чёрную скалу, над которой по утрам курился подозрительный серый дымок.

И ничего не пришло ему на ум более свежего, чем вызвать на смертный бой самого дракона.

ГЛАВА 2. Переписка с огнедышащим эстетом

Написать вызов дракону оказалось делом куда более хлопотным, чем махать мечом на пустыре. Рыцарь Картофельные Уши просидел за дубовым столом три вечера подряд, извёл полчернильницы и перепортил целый рулон дорогого пергамента.

Писать надобно было грозно, чтобы чудовище сразу поняло, с кем имеет дело, но при этом по всем правилам рыцарского этикета. В конце концов послание вышло таким:

«Гнусному и кровожадному Змею с Чёрной скалы! Я, благородный рыцарь Картофельные Уши, вызываю тебя на

смертный поединок в ближайшую субботу пополудни. Затачивай когти и готовься к позорной гибели во славу прекраснейшей из дам! С почтением, вышеупомянутый рыцарь».

Отнести письмо согласился только хромой сапожник Прошка — и то за две серебряные монеты и старые сапоги хозяина в придачу. Всю ночь Фигель не смыкал глаз, прислушиваясь к тишине за воротами, но наутро сапожник вернулся целым, невредимым и даже в хорошем настроении. В руках он держал плотный лист пергамента с опалёнными краями и аккуратной сургучной печатью.

Дракон оказался на редкость вежливым. На дерзкий вызов он ответил учтивым отказом:

«Досточтимый синьорин Картофельные Уши! Благодарю за оказанную честь, однако вынужден отклонить ваше любезное предложение. Видите ли, я по горло сыт немытыми людишками — после каждого такого поединка у меня три дня стоит нехорошая отрыжка, а лекарь на прошлой неделе строго-настрого посадил меня на овсяный отвар и печёные яблоки. Искренне ваш, Дракон».

Картофельные Уши страшно оскорбился. Как это так — он готов сложить буйную голову ради Магды, а какой-то ящер воротит нос из-за своего желудка?! Рыцарь тут же уселся за стол и накатал второе письмо — ещё длиннее и убедительнее.

Через неделю пришёл новый отказ: дракон ссылался на

сырую погоду, ломоту в хвосте и весеннюю линьку.

Однако Картофельные Уши был упрям, как горный баран. Он послал третье письмо, затем четвёртое, а к лету переписка между замком и Чёрной скалой стала привычнее, чем звон колоколов к вечерне. Рыцарь расписывал свои боевые подвиги, дракон в ответ жаловался на изжогу и советовал рыцарю попить ромашки от нервов.

Так прошёл целый год. В конце концов огнедышащий эстет сдался — видимо, понял, что от назойливого соседа проще отвязаться на ристалище, чем до конца века читать его каракули. В очередном письме, пришедшем в разгар жаркого июля, дракон коротко уведомил:

«Бог с вами, приезжайте в следующую пятницу на рассвете. Но предупреждаю сразу: кушать вас я всё равно отказываюсь. Пищеварение дороже славы. На том и порешим».

На радостях рыцарь чуть не пробил головой потолочную балку. Он тут же потребовал лучшую бумагу и настрочил страстное письмо даме сердца — о вечной любви, грядущей победе и скорой свадьбе.

Чтобы послание произвело должное впечатление, Картофельные Уши решил раскошелиться. Он спустился в тайник под половицей, выудил оттуда заветную шкатулку с последними фамильными ценностями и достал старинную золотую булавку с крупным зелёным изумрудом — единственное, что осталось от покойной бабушки. В саду он срезал самую пышную, алую розу, приколол её булавкой прямо к письму и от-

правил с гонцом в город.

Магда как раз пила утренний шоколад, когда служанка внесла поднос с посланием. Назойливый, вечно пахнущий конюшней кавалер давно наскучил красавице, и перспектива избавиться от него разом и навсегда привела её в превосходное настроение. Она небрежно пробежала глазами пылкие строчки, выдернула булавку, бросила её в шкатулку к таким же безделушкам, оставшимся от прежних поклонников, а розу сунула в высокую хрустальную вазу — тесниться среди засохших сестёр.

Ответ последовал незамедлительно: Магда охотно благословляла рыцаря на смертный бой и даже обещала пролить над его могилой горькую слезу.

Получив записку, Картофельные Уши загорелся так, будто его всего с ног до головы натёрли жгучим перцем. Он принялся скакать по замковому двору, размахивая деревянным тренировочным мечом и выкрикивая боевые кличи. При каждом прыжке его доспехи жалобно дребезжали и грозились рассыпаться на запчасти прямо на ходу.

Рыцарь был беден, как церковная мышь, и латы его, доставшиеся ещё от прадеда, давно проржавели, истончились и в настоящем бою годились разве что для защиты от комаров. Однако на нагруднике всё ещё угадывался древний фамильный герб с облезлым львом — а это придавало хозяину небывалой храбрости и осанки.

Фигель тяжело вздыхал, бредя следом по двору и подби-

рая отваливающиеся от хозяина пряжки и заклёпки. Вся эта затея с драконом была слуге явно не по вкусу, но спорить с барином было всё равно что спорить с вороной: она тебе «кар», и ты ей «кар» — вот и поговорили!

— Да фиг с ним, с драконом этим, синьорин! — в последний раз попытался вразумить хозяина оруженосец, с трудом прикручивая проволокой наплечник. — Ну зачем вам этот ящер сдался? У него ж чешуя в три пальца толщиной, а у вас кираса пальцем протыкается! Давайте лучше в соседнее герцогство уедем, там как раз ярмарка на носу…

— Молчи, малодушный! — гордо вскинул подбородок Картофельные Уши. — Истинный рыцарь не отступает, когда прекрасная дама ждёт его триумфа!

Фигель только махнул рукой, украдкой вытер кулаком навернувшуюся слезу и понял: раз уж хозяин твёрдо решил отправиться на тот свет, провожать его нужно по-человечески — по всем правилам, как полагается перед дальней дорогой

ГЛАВА 3. Великое омовение

Поскольку рыцарь Картофельные Уши твёрдо вознамерился отправиться на верную гибель, верный Фигель решил, что провожать хозяина в последний путь надобно со всеми почестями. А по старинному обычаю, как известно, покойников перед погребением полагается обмывать. Рассудив, что после встречи с огнедышащим ящером обмывать, скорее всего, будет уже нечего, оруженосец задумал исполнить этот

скорбный долг заранее.

Едва над замком сгустились сумерки, Фигель запер ворота на засов, растопил на кухне все три печи и принялся таскать в опочивальню хозяина тяжёлые медные вёдра с кипятком. Огромная медная ванна, в которой прежде разве что замачивали капусту на зиму, запыхтела густым белым паром.

Но одной воды было мало — Фигель задумал устроить барину настоящую царскую купель. Накануне он тайком пробрался в самый дальний угол замкового погреба, распугал вековых пауков и выудил из-под слоя пыли пузатую бутыль коллекционного травяного бальзама, заложенного ещё при прадеде нынешнего хозяина. С этой драгоценностью за пазухой слуга прибежал в город к знакомому аптекарю.

Старый алхимик в засаленном колпаке долго вертел пыльную бутыль на свет, принюхивался к сургучной пробке, потом вздохнул и достал из-под прилавка два бруска душистого розового мыла и пузатый флакончик заморских духов. Духи, правда, слегка выдохлись и пахли не столько розой, сколько прелым сеном и гвоздикой, но для человека, ни разу в жизни не нюхавшего ничего слаще конского пота, сошли бы за райский нектар.

Вернувшись в замок, Фигель выплеснул в ванну полфлакона духов, накрошил туда добрую половину мыла и взбил рукой пышную, переливающуюся пену. Рядом на табурете он бережно разложил свежевыстиранную, ослепительно белую рубашку — всплакнул украдкой, представив, что это бу-

дущий саван, — и отправился на кухню распорядиться насчёт последнего прощального ужина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.